

С.А. Емельянов

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИДЕИ И АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ

РОССИЯ
МЕЖДУ ДАО И ЛОГОСОМ

Сергей Емельянов

**Феноменология русской
идеи и американской мечты.
Россия между Дао и Логосом**

«Астерион»

2009

Емельянов С. А.

Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом / С. А. Емельянов — «Астерион», 2009

В работе исследуются теоретические и практические аспекты русской идеи и американской мечты как двух разновидностей социального идеала и социальной мифологии. Книга может быть интересна философам, экономистам, политологам и «тренерам успеха». Кроме того, она может вызвать определенный резонанс среди широкого круга российских читателей, которые в тяжелой борьбе за существование не потеряли способности размышлять о смысле большой Истории.

© Емельянов С. А., 2009

© Астерион, 2009

Содержание

Введение	5
1. Идеал как форма духовности и регулятив деятельности	7
2. Русская идея и американская мечта как социальные детерминанты	17
3. Проблемы реализации социального идеала	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Алексеевич Емельянов

Феноменология русской идеи и американской мечты

Россия между ДАО и Логосом

Введение

Если бытие определяет сознание, то название книги в определенной степени должно предопределять ее содержание.

Термин «феноменология» в истории философской мысли и актуальном ее состоянии имеет множество (до десяти и более) значений. В названии настоящей работы он употребляется в значении непредвзятого и объективного выявления и описания феноменов (данностей) как начальной ступени системообразующей работы мысли, за которой должно следовать сущностное (проблематическое и теоретическое) исследование.

В результате очередного этапа «еврекано-европеизации» в России существенно изменился вертикальный вектор социального развития. Данное обстоятельство в определенной степени привело к потере духовной самоидентификации страны и актуализировало необходимость в социально-философском анализе происходящих в обществе процессов. Ведутся интенсивные и не всегда продуктивные дискуссии по поводу интерпретации современных российских трансформаций. Можно проводить определенные параллели современных дискуссий со спорами западников и славянофилов, происходившими в период зарождения «первого капитализма» в России.

С сожалением приходится констатировать, что при всем плюрализме теоретических точек зрения, отражающих практику российских социальных преобразований, сегодняшнее величие России небесспорно, завтрашнее – весьма неочевидно.

Отдельные изменения, произошедшие за последние несколько лет, с определенной долей условности можно квалифицировать как положительные. Быть может, Россия в настоящее время представляет собой выздоравливающий, но еще не полностью здоровый социальный организм. Для осуществления кардинальных сдвигов настоятельно требуется определить соотношение между стратегией и тактикой в осуществляющихся социальных преобразованиях и найти *смысл жизни* в национальном масштабе.

На шагреневых российских просторах появилось большое количество миллионеров и миллиардеров. Большинство из них проповедует психологию «оффшорной аристократии» и воспринимает Россию как зону «свободной охоты». Труд и богатства всей страны пошли на создание состояний сверхбогатых людей. Тем самым Россия «приобщилась» к мировой цивилизации, не отметив эту глобальную историческую трансформацию ни одним хоть сколько-нибудь крупным экономическим или социальным достижением.

В данных условиях процесс «самоорганизации» общества сопровождался возникновением новых «коммерческих» структур на всех уровнях. Основным принципом жизни стала американизированная «философия успеха» и получение любой ценой «быстрых денег». Небесные артерии забиты тромбами и отсутствует содержание, которое могло бы стать предпосылкой каких-либо содержательных социальных преобразований.

Успех в настоящее время автоматически приравнивается к счастью и понимается как умение в духе гармонии и равновесия приспособиться к разнообразным и постоянно изменяющимся условиям жизни. Но современное общество никогда не сможет всех индивидуумов

равномерно обеспечить успехом, так как культ Успеха несовместим с идеалом Справедливости. Успех в нынешней России достигается одними социальными группами за счет других.

С экранов телевизоров давно исчезли герои труда, выдающиеся деятели науки и искусства. Героями сегодняшнего дня являются дети тех, кто успел достичь «большого успеха». Эти американизированные «сверхчеловеки» усиленно убеждают с телеэкранов молодежь в возможности и целесообразности получения (привлечения) денег без особых трудовых усилий.

Сегодня, когда экономическая власть заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, следует подумать об идеологических и нравственных сдержках и противовесах, ибо ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль и деньги. Падение державы начинается с разрухи в головах, а она – с упадка духа и разрушения ценностей.

Общеизвестное, являясь извечным псевдонимом недопонятого, не есть банальность. Обычно под видом избитых истин от ума ускользают самые неподатливые проблемы. Банальность оставляет человека равнодушным. Если уже давно известное заставляет думать и переживать – это называется истиной.

Общеизвестной истиной, которая должна заставлять думать и переживать всех людей (а не только философов) в эпоху тотального господства недуховных ценностей, является следующая: в большой Истории в конечном итоге действует принцип превосходства Духа над материей.

Поиск новой (обновленной) русской идеи, системы идеалов и смыслов является сегодня для России самым трудным и важным делом. Ибо лишь на этом пути возможен выход из духовного, культурного и социального состояния «неоднозначности», переживаемого нашей страной и каждым человеком в отдельности.

Большинство людей нуждается не в целях по достижению материального «успеха», а в высокой и одновременно простой и понятной истине и идеале. Эта истина-идеал интуитивно близка каждому человеку. Имя ей – духовность и нравственность. Именно эти ценности являются принципиально не отчуждаемой собственностью человека. Человек действительно может реализовать себя, только осуществляя нравственный смысл во внешнем мире.

Все стратегии и социальные траектории будущего России должны вытекать из этой «практической диалектики». Общество призвано помочь человеку стать главной ценностью и «мерой всех вещей», а каждый человек, идя по трудному пути достижения нравственности, должен вносить свой вклад в построение будущей гуманной цивилизации. Человек только тогда является Человеком, когда душа его трудится во благо других людей, осваивая столь разные духовные пространства русской идеи и американской мечты.

Содержательную и психологическую поддержку в работе оказали Президент Смольного университета доктор технических наук Б.Я. Советов, доктор философских наук, доктор экономических наук А.И. Субетто и кандидат искусствоведения О.И. Гладкова.

1. Идеал как форма духовности и регулятив деятельности

Философия успеха и феномен богатства как главные составляющие американской мечты становится в настоящее время едва ли не главным содержанием человеческого бытия и одним из наиболее привычных ответов на вопрос о смысле человеческого существования.

О «Великой американской мечте» мы слышим часто: есть где-то за океаном великая страна Америка, где всякий, если очень сильно захочет, не слишком задумываясь над смыслом американской и мировой истории, сможет стать Президентом или воротилой большого бизнеса. Американская мечта является по сути дела идеалом жизни жителей Соединенных Штатов.

В качестве одного из основных критериев социальной и нравственной оценки понятие «успех» сформировалось еще в эпоху Реформации в протестантской этике, согласно которой главным нравственным качеством должно быть трудолюбие. Это замечательное человеческое качество рано или поздно с неотвратимостью должно приводить к зажиточности и преуспеванию.

Умение приобретать и приумножать богатство понимается как искусство создания произведений и продуктов, имеющих преимущественно количественную и численную сущность. Деньги являются языком численности и эквивалентом социальной энергии, затраченной на их приобретение. Вполне очевидно: именно деньги пробуждают в современном человеке ощущение возможного наслаждения и дают материальное подкрепление свободе, не давая ей сужаться до рамок жесткого детерминизма (быть «осознанной необходимостью»).

Как настойчиво утверждают многочисленные адепты и неопиты «философии успеха», на первом этапе на пути к «успеху» совершенно необходимо иметь ясную и твердую цель-«мыслеформу» (чаще всего – «иметь много денег»). Процесс реализации цели рекомендуется начинать прямо сейчас, не откладывая на завтра, каковы бы ни были нынешние обстоятельства. Потому что завтра не наступает никогда.

Практически во всех катехизисах по «философии успеха» и «учебниках быстрого счастья» отмечается, что мыслеформы должны переходить в действие, они должны питаться действием и воплощаться в действие. Мысль материальна и всегда предшествует любому (материальному) успеху.

Согласно диамату, цели человеческой деятельности являются отражением объективной реальности и индивид может поставить перед собой только такую цель, которая соответствует объективному ходу общественного развития. Конкретные возможности реализации потребностей представляют объективную сторону цели, а сама потребность – субъективную.

Следует, очевидно, особо оттенить то обстоятельство, что деятельность является единственным в своем роде процессом, в котором воедино «сплавлены» сознание и действие, объективное и субъективное, материальное и духовное. Как отмечал Ф. Энгельс, «все, что приводит людей в движение, должно пройти через их голову»¹.

Мысль в форме идеи и смысла предшествует не только материальному успеху, но и любым *изменениям обстоятельств самой жизни*. Стремление к познанию мира является необходимым начальным этапом к переделыванию объективной реальности; это и есть суть человеческой жизни. В иных словах: любая человеческая деятельность – это есть *мыследеятельность*, предполагающая наличие *мысли и знания*.

¹ Цит. по: Гречко П.К. Практика человека. – М., 1988. – С. 51.

Физически человек достаточно слаб. В природе существует множество более быстрых, сильных и выносливых животных. Стремление к победе и доминированию подтолкнуло человека к развитию *сознания* как единственного имеющегося у него оружия. Развитое сознание и интеллект позволили индивидууму расширить границы своих мечтаний и целеполаганий. Именно сознание создает у человека представление об объективной реальности и побуждает его жить по законам «идеального представления», наполненного смыслами.

Человек как продукт эволюции и в определенном смысле орудие этой вселенской эволюции обладает способностью к целесообразной антиэнтропийной деятельности. Сущность человека во Вселенной проявляется в том, что он является преобразователем («структуризатором»). Являясь способом существования человека, деятельность весьма разнообразна по основным уровням и типам.

Деятельность можно определить как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего мира, включая самого себя и *условия своего существования*. В процессе деятельности человек преобразует (и разрушает) природу, изменяет общество и развивает свои сущностные силы и способности, создает предметы материальной и духовной культуры. С другой стороны, под влиянием культуры он испытывает духовные трансформации и формирует новые идеи и смыслы.

Термин «деятельность», несомненно, входит в состав наиболее активной и функционально напряженной части современного научного лексикона. Категория «деятельность» – одна из наиболее изученных в философии. Как утверждал основоположник даосизма Лао-Цзы, действие – это человеческая природа в движении. По проблеме деятельности имеется обширный массив литературы², достаточно обстоятельно изучены сущностные черты деятельности, в числе которых обычно называют сознательность, системность, историчность, продуктивно-преобразовательную определенность, свободу и универсальность.

Многие философы, близкие к позиции гилозоизма, рассматривали активность как универсальную категорию и видели в ней свойства не только духа, но и материи, способной к самоорганизации. К. Маркс, еще не испорченный марксизмом, в своих «Экономическо-философских рукописях» (1844 г.) указывал, что в «фокус» философии не попала активно-деятельная сторона материи.

Существуют различные способы классификации человеческой деятельности. Большинство современных ученых сходятся на том, что структура деятельности имеет такие главные элементы, как цель-мотив-способ-результат.

Чтобы человек мог *действовать* (заниматься «деятельностью»), он должен осознавать и как-то влиять на процессы, происходящие *внутри него*, максимально развить свои *способности* и сделать из своего тела аппарат восприятия и действия. Одним из главных факторов успешной деятельности человека считается сознательная воля. О воле писали такие философы, как Аристотель, Д. Скотт, У. Оккам, М. Лютер.

Автор работы «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр придавал воле абсолютный онтологический статус и видел в познании одну из объективаций мировой воли; он полностью отрицал понятие успеха в его онтологическом смысле. Единственный вариант успешного завершения земной жизни, по мнению философа, заключается в умерщвлении всех желаний и в полном аскетизме, что сближает его позицию с наиболее пессимистическими направлениями восточной философии.

Ф. Ницше интересовался данной проблемой в аспекте «воли к власти», которую он рассматривал как разновидность познания, опирающуюся на веру в «Я». Субъект в философии

² Осмыслением природы деятельности в той или иной степени занимались Г.В. Гегель, К. Маркс, Д. Лукач, Ю. Хабермас, Г. Башляр, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, Г.П. Щедровицкий, Ю.В. Громыко, М.С. Каган, М.К. Мамардашвили. Э.Г. Юдин, В.А. Лекторский, Н.Н. Трубников и др.

Ницше – это «деятель», нечто, «что само в себе стремится к усилению» и «хочет превзойти самого себя». «И как меньшее отдается большему, чтобы самому властвовать над еще меньшим и радоваться о нем, так и самое великое в свою очередь отдает себя и могущества ради полагает жизнь свою»³.

«Радикальный эмпиризм», провозглашенный У. Джемсом, получил у Д. Дьюи новое развитие: отбросив традиционные понятия теории познания (субъект, объект, познавательная реальность), философ вводит понятие «проблематической ситуации», постепенно разрешающейся с помощью «исследования». Истина, обнаруживаемая в процессе исследования, определяется как завершение, несущее в себе значение полезности для человека. Таким образом, прагматизм «сопрягает» успех познания и человеческой деятельности с понятием полезности.

Именно американские философы заложили основную базу под целенаправленное исследование понятия успеха. Идеологи прагматизма игнорировали познавательную природу мышления и видели в нем только функцию, обслуживающую действия и практические интересы субъекта.

Американские прагматисты унаследовали традиции скептицизма, эмпиризма и рационализма. Но они переформулировали роль скептицизма в развитии знания. «Солипсический» или «субъективистский» скептицизм был отклонен ввиду того, что он основан на сомнительных психологических основаниях (ложной идее дуализма души и тела). Прагматисты, взяв за основу учение Ч. Дарвина, связали мышление, сознание и осмысление с биологическими процессами, истолковав последние как функции организма, а не как проявление двусоставной, духовно-телесной сущности человека.

Используя холистские концепции, они доказывали, что организм ведет себя как целостный агент, взаимодействующий с реальным миром. Идеи, впечатления и восприятие – суть проявления поведенческих процессов. «Разум» формируется в ходе длительной биологической эволюции. Язык является формой поведения и играет инструментальную роль в социальных взаимодействиях. Человеческие силы и способности развиваются в ходе адаптации и служат целям выживания человека⁴.

Русская философия никогда не культивировала культ личного успеха как самоцель, но всегда увязывала его с соборной деятельностью народа и со следованием высшей духовной Воле Бога. Потому и воля, составляющая основную «доминанту» успешной человеческой деятельности, интересует русских философов, прежде всего, не в аспекте практического целеполагания, продиктованного эгоистической мотивацией, а в контексте следования Высшей Воле. Как утверждал русский философ Н.А. Бердяев: «Человек есть существо, действующее не по целям, а в силу заложенной в нем творческой свободы и энергии благодатного света (идеала – С.Е.), озаряющего его жизнь».

Можно заметить, что стремясь к лучшему будущему, «деятельностный» человек оказывается перед дилеммой: либо «вступать в прямой контакт с действительностью» и изменять мир, либо научиться «угадывать» естественные тенденции, приспособливаться к ним и достигать «успеха». Успех и богатство (в «недуховном» аспекте) можно тогда трактовать как меру возможного в действительном.

Соответственно, можно выделить два основных взаимосвязанных вида человеческой деятельности и активности:

1) активность, направленную на изменение внешних факторов, обстоятельств жизни и связанную с реализацией человеческой «сущности» («социально-преобразующая деятельность»); 2) «внутренняя» активность, реализующаяся в рамках «адаптации» к действительности.

³ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – СПб., 2007. – С. 9.

⁴ См.: Куртц П. Новый скептицизм: исследование и надежное знание. – М., 2007. – С. 64.

сти и направленная на обеспечение условий существования («предпринимательская эго деятельность»).

Образно говоря, через исторические эпохи пробивали себе путь два больших потока-реки. Один поток – это «Мы»: заботы и дела человека, посвященные обществу. Другая река представляет собой «Я»: стремление человека что-то успеть сделать для себя (добиться «успеха»).

В мире сосуществуют и подпитывают друг друга как идеи о самопожертвовании во имя человечества и великой идеи, так и подробности из жизни преуспевающих и утопающих в роскоши миллиардеров. Но сущность социального идеала и тайна материального богатства как квинтэссенции американской мечты и успеха остаются раскрытыми не полностью. В истории России были разные подходы к вопросу о приоритете духовного или материального, общественных или частных интересов. В конечном итоге чаще утилитарные интересы приносились в жертву духовному идеалу.

Предтечей «философии успеха» можно считать линию эпикурейства и гедонизма, переходящую к французским философам-материалистам 18 века и к немецкому философу-материалисту Л. Фейербаху. Оптимистический дух античного бонвиванства не чужд «американской мечте».

Но и мятежный преобразующий разум существовал еще в античности, имея социально-утопическую направленность. Одним из первых был «утопический дискурс» Платона. Он представляет собой попытку смоделировать идеальные формы человеческого общежития. У Платона есть два взгляда относительно механизмов реализации социальной утопии. С одной стороны, он говорит о желательности появления правителя, обладающий всей полнотой власти для создания идеального государства. С другой стороны, Платон понимает, что люди, привыкшие к старому миру, не в состоянии воспринять новый мир и порядок. Для практической реализации этой возможности нужен путь, *интеллектуальное путешествие, включающее моменты обучения*.

Аристотель в «Политике» подвергает критике теоретическую позицию Платона за его стремление ввести в государстве полное единство, не считаясь с реально существующей множественностью. В расхождениях между Платоном и Аристотелем отразилось одно из коренных противоречий, лежащих в «онтологической основе» европейской культуры, – мучительное противоречие между идеалом и действительностью, должным и сущим.

Слово «утопический» («утопия» по-гречески означает «место, которого нет») появилось в XVI столетии вскоре после публикации книги Т. Мора «Утопия». Формирование данного жанра побуждает перечитать с «утопической» точки зрения сочинения, предшествующие книге Т. Мора. Кроме «Республики» Платона имеются в виду многочисленные фрагменты Библии⁵, «Град божий» А. Блаженного и другие произведения.

Мысль о необходимости существования вечных и неизменных идеалов, заложенных в основу мироздания и человеческого бытия, по достоинству оценили представители различных идейно-политических учений, в том числе христиане, выдвинувшие свои эталонные идеалы в «десяти заповедях И. Христа». Очевидно, что идеал, разрушающийся от времени или под воздействием конъюнктуры, не имеет права на существование. Бессмертие идеалу обеспечивает его принципиальная недостижимость. Очень рано создавались утопические мечты о награде праведникам и предоставлении им рая. Эдем – самая древняя утопия во всей мировой культуре (как, наоборот, ад – самая древняя антиутопия). Христианство, с учетом Ветхого и нового

⁵ Библия – это не боговдохновенный факс от Всевышнего, а произведение многовекового творчества людей, в котором наряду с повествованиями о событиях жизни современных им эпох выразилась разнородная «мистика», включающая в себя разнородные наваждения. Поэтому речи от имени Бога в ней не являются «стенограммами». Как бы мы ни относились к «святым книгам» – Библии, Корану и Торе – все они были созданы смертными людьми.

Заветов, создало различные понятия рая, под одним из которых понимается «святой город Иерусалим, сходящий от Бога с Неба»⁶.

Идеалистическое утопическое сознание порождается критическим отношением к действительности и непреодолимым желанием ее реформирования. Утопист озабочен воплощением собственного идеала совершенного общества и устремлен на спасение всего человечества. Утопия есть отрицание настоящего и бунт против действительности, в котором «растворен» отдельный человек. Характерным признаком утопического сознания является трансцендентность, понимаемая как выход за пределы не только реального и действительного, но и *возможного*. От брака фантазии с желанием рождается нечто большее, чем позволяет реальная жизнь.

Как бы ни казалось парадоксальным, но в основе всех социальных преобразований лежали и лежат именно утопии. Именно утопическо-творческое мировоззрение, воля начать историю заново – становится тем палладиумом, на котором впоследствии вырастают политические идеологии и стратегии.

Великий маг, мудрец и смутьян Маздак в V в. поднял в Персии восстание и создал государство коммунистического коллективизма. Но персидский царизм жестоко подавил извечную светлую мечту жить общиной и трудиться сообща.

Источником идеализации всегда является потребность в преодолении *реальных противоречий*. Именно социальные противоречия, и особенно *противоречие между (духовной) сущностью и (материальными) условиями существования*, очень болезненно травмируют людей и побуждают их к преобразованию «противоречивого» объекта для того, чтобы хотя бы мысленно очистить его от противоречий. Способность к созданию идеалов и пространства утопической рефлексии следует отнести к разряду уникальных способностей человека, утверждающей его сущностные характеристики.

Формирование идеалов как высшего духовного продукта, представляющего собой прорыв человеческого сознания в справедливое и светлое будущее, осуществляется человеческой психикой. «Конструируется» вещество идеала из познаваемого и ценностно-осмысляемого материала реального бытия. Непременной характеристикой идеала является единство телеологической и аксиологической сторон.

Духовная активность человека должна обеспечивать эффективную реализацию человеческой деятельности в единстве ее «трудовых» и социально-преобразующих аспектов. Именно духовная активность синтезирует целе- и «идеалореализующую» деятельность с акцентом на последней.

Немецкие идеалисты противопоставили культу личных наслаждений требования долга, кодексы обязанностей, принципов и моральных законов.

Кантовское объяснение идеала как «максимума совершенства», недостижимого на практике, но служащего своего рода «маяком» для общественного прогресса, сохранило свою значимость до настоящего времени.

Выступая против идеологических противников платоновской республики как «несбыточного совершенства, возможного только в уме досужего мыслителя, И. Кант предлагал оценивать идеал не по возможности его практической реализации, а по роли, выполняемой им в жизни человека и общества. *Каждый конкретный шаг в следовании идеалу есть одновременно реализация частицы абсолютного*. Идеал есть не гарантия абсолютного совершенства, а стимул и условие бесконечного развития.

Идеал можно трактовать как абсолютную цель, которая всегда впереди. Абсолютная цель никогда не может превратиться в средство для достижения другой цели. Идеи и идеалы в

⁶ См.: Егоров Б.Ф. Российские утопии. – СПб., 2007. – С. 19-20.

конечном итоге сильнее самих людей; они не только используются, но и *овладевают* теми, кто их использует.

Создатель всеобъемлющей системы классического новоевропейского рационализма Г.В.Ф. Гегель полагал, что цель отдельного человека есть то дело, которое «он способен осуществить *с пользой для общества* и интересом для себя». Абсолютная цель великим философом понималась как противоречие между единичным и общим, разрешающегося в конечном итоге в пользу общего, но таким образом, что этот процесс постоянно возобновляется⁷.

Первоначально человек вступает в мир как относительно целостное – знающее себя только в предмете своих желаний и потребностей – «вождеющее самосознание». Необходимым следствием такой формы отношения индивидуального сознания к миру является борьба между людьми – «борьба за признание». В результате противоречия, конфликта возникают, как показывает Гегель в «Феноменологии духа», две противоположные формы отношения к миру и соответственно два способа существования в нем – сознание самостоятельное («господин») и несамостоятельное («раб»). В процессе «интенсивной» трудовой деятельности несамостоятельное сознание становится самостоятельным.

Анализируя развитие «рабского, несчастного сознания», Гегель обращает внимание на значение в его формировании «отчуждения от своей сущности», «отношения господства и подчинения» и «труд на господина».

«Разработчик» концепции «абсолютного духа» придает существенное значение *социальным* условиям развития самосознания. Вследствие «борьбы за существование» субъект, ставший «господином», начинает соотноситься с предметом своих вожделений через «раба» и его сознание остается неизменным. В то же время «раб», исполняя волю «господина» и делая ее своей, становится носителем *двойственного сознания*, начинает внутренне относиться к себе как некоторому другому.

Переход к классовому обществу сопровождается метаморфозой социальных отношений: все виды связей системы «человек-природа» опосредуются противоречием «человек-человек», а субъектом исторического процесса начинают выступать антагонистические противоречия.

Новые социальные «страсти» человека представляют собой «жгучее желание» управления другими людьми и их подчинения. С другой стороны, у эксплуатируемых классов появляется непреодолимое стремление к социально-преобразующей деятельности по преодолению социальной несправедливости и всякого рода эксплуатации (насилия), страсть испытания и утверждения себя в материальном, научном и художественном творчестве.

Можно сказать, что в любом классовом обществе происходит своеобразное «раздвоение мира» – разделение на мир реальный, действительно существующий и иррациональный мир мечты и идеала, существующий в сознании индивидуума. Идеал может реализовываться не только в искусстве, но и в социально-преобразовательной деятельности. Это приводит к *раздвоению целей* и самих субъектов деятельности.

Обычно человек есть нечто большее, чем его несчастный и страдательный образ жизни. Снятие двойственного и противоречивого отношения к миру и решение проблемы «несчастливого сознания» происходит, согласно Гегелю, в процессе «труда» («образования») – деятельности, посредством которой человек «утверждает себя в стихии постоянства и становится для «самого себя некоторым для-себя-сущим». Иными словами, «несчастное сознание» должно обрести подлинную, объективную свободу и целостность существования в формах внешней деятельности: семье, частной собственности, месте в государственной системе.

⁷ Гегель считал, что «все, чего я хочу, самое благородное, самое святое, есть моя цель, я должен в этом наличествовать, я должен это одобрять, я должен находить это хорошим. Со всяким самопожертвованием всегда связано чувство удовлетворения и нахождение самого себя».

Тотальная зависимость человека от тягот жизни формирует рабское сознание, а полная независимость от нечеловеческих условий существования превращает его в сознание стоика⁸. Рабское сознание есть цепь, сковывающая личность. Стоическое сознание делает человека свободным, однако эта свобода во многом иллюзорна, ибо, абстрагируясь от реальных проблем, личность становится бессильной перед жестокой действительностью. Не преобразовывая действительность, человек не самоизменяется и впадает в некое подобие сомнамбулизма. Так сознание оказывается на пороге скептицизма.

Стоицизм является антиподом гедонизму. Основной целью стоика является обретение душевного спокойствия для «адаптации» к жизненным трудностям. Благодаря своему самообладанию он является господином самому себе, но этот же процесс делает его рабом самого себя, ибо мыслящее самосознание есть господин, а его чувственность есть подавленный раб. В конечном итоге стоики начинают раздваиваться между своими мысленными конструкциями и реальной жизнью.

Высочайшим из экзистенциальных искусств, даваемых человеку, является достоинство как искусство распознавания того момента, когда терпение и стоицизм превращаются в порок раболепия. Испытывать свою фортуна важнее, нежели хранить невозмутимость духа. Выход из конфликтной ситуации может быть только один: от созерцания и наслаждения миром *человек должен перейти к его улучшению*. Однако волевая тяга одного человека еще не есть всеобщая воля. Это своеволие Гегель называет «законом сердца».

Противоположность между законом сердца и законами действительности – новая антиномия, которую человек должен преодолеть. Закон сердца требует практически реализовать добрые намерения в реальной и жестокой среде. Не желая признавать свое поражение, такой «преобразователь» мира начинает во всем обвинять окружающих людей.

Гегель говорил: «противоречие разрешается, на противоречии нельзя остановиться, противоречие само по себе невыносимо». Но великий немецкий философ ничего не говорит о том, что собственно означает «разрешение» противоречия.

Основоположник теории бесклассового общества К. Маркс интеллектуальные средства для обоснования возможности преобразовательного начала в жизненной борьбе первоначально увидел в анализе воззрений передовых античных мыслителей. В докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и Эпикура» Маркс показал, что Эпикур по существу выдвинул идею диалектического самодвижения, трактуя ее как принцип деятельности и активности. Был сделан вывод, что эпикурейцы, стоики и скептики являются философами *самосознания*.

Маркс еще в период ранних философских исканий глубоко прочувствовал гуманизм фейербаховских идей, в которых было предложено гуманистическое и атеистическое истолкование сути человека и «человеческого» как такового. Кроме того, представитель немецкой классической философии реабилитировал «чувственность», возвысил природное начало в человеке до статуса сущностного, объединяющего тем самым человека с внешней природой.

В отличие от Фейербаха, Маркс принимает положение о глубоком конфликте между человеческой сущностью и существованием. Жизненная реальность людей, их отношения друг к другу, самим себе во многом противоречат критериям человечности, предложенным Фейербахом.

По мнению Маркса, человек на протяжении многих веков создал такую культуру, освоить которую он сможет лишь после освобождения от гнета экономической бедности и преодоления духовного обнищания в мире отчужденного труда. Всеобъемлющая система Маркса имела

⁸ Отцами и душой стоицизма были Зенон и Эпиктет, а «могильщиком» – Сенека, воспитатель императора Нерона, по приговору которого покончил жизнь самоубийством.

отчетливую этическую компоненту, предназначенную для обращения не только к разуму человека, но и к чувству сострадания.

Как отмечается в «Тезисах о Фейербахе», «не обстоятельства действуют на людей, а сами люди изучают и осваивают обстоятельства как предмет в его собственной логике и осуществляют именно деятельность». И далее: «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика»⁹.

В принципе, взаимосвязь между изменением условий жизни и самоизменением самих людей достаточно очевидна и понятна любому человеку. Однако практически во всех катехизисах по «философии успеха» рефреном звучит мысль о том, что если невозможно изменить реальность, то надо *изменить отношение к ней*. В. Зеланд глубокомысленно замечает: «Если вы настроены враждебно по отношению к миру, он будет отвечать вам тем же. Если в вашем отношении к действительности преобладает негатив, тогда мир будет поворачиваться к вам своей худшей стороной. И, напротив, позитивное отношение будет самым натуральным образом изменять вашу жизнь к лучшему. Человек получает то, что выбирает»¹⁰.

В философии Маркса концепция действия стала центральной; эта новая философия имеет претензию на то, чтобы превзойти метафизическое мышление и стать способом преобразования объективной реальности. Другими словами, философия является не просто увлекательным игровым занятием для ума и средством познания мира, *а средством его преобразования*.

Идеи и идеалы не могут вывести за пределы старого мирового порядка. Сами по себе идеи вообще ничего не могут осуществить. Они могут выводить только за *пределы идей* старого мирового порядка. Для материализации идей требуются люди, которые должны употребить *практическую силу*. По Марксу, основным «рычагом» социальных преобразований является пролетариат¹¹, превращающийся в класс-избранник. Марксизм переводит утопию в практику и предвосхищает должное, потенциально способное воплотиться в жизнь.

Маркс впервые указывает на пролетариат как на реальную политическую силу в работе «К критике гегелевской философии права». В сущности, пролетариат понимается как гегелевское «ничто». Это «ничто» должно стать «всем», то есть «бытием». Сама же «идеологическая деятельность» сводится, по Марксу, к просвещению и образованию пролетариата, пробуждая его сознание в направлении определенных идей. Основоположник теории бесклассового общества предполагает при этом наличие у пролетариата *самосознания* на уровне философской рефлексии.

Взаимовлияние марксизма и любого национального общественного идеала является противоречивым и во многом антиномичным. Но данные идеи не распространились бы достаточно широко без положительных составляющих в их содержании. Много позитивного марксисты позаимствовали из других социально-политических, философских учений, взяли у христианской религии и русской идеи. Маркс не создал своей концепции происхождения религий. Христианство, открывшее человеческой совести и давшее миру недостижимо высокий идеал, было объявлено якобы монопольным откровением марксизма и социализма.

Христианство и русская идея возникли *до* марксизма и морального кодекса строителя коммунизма. Факт заимствования части идей очевиден. Каждая утопия в какой-то степени религиозна.

⁹ Маркс К. Сочинения. Т.3 / К. Маркс, Ф. Энгельс, – 2-е изд. – М., 1955. – С. 2.

¹⁰ Зеланд В. Трансерфинг реальности. – СПб., 2005. – С. 25.

¹¹ Точный перевод с латыни слова «*пролетариат*» – бедные размножающиеся. Римляне, в отличие от эллинов, признавали гражданские права не только за «демосом» – полноправными гражданами, но и за лицами, не обладавшими никаким имуществом и от которых обществу была только одна польза: будучи римлянами, они способны были рожать римлян.

Можно отметить, что первое гимназическое сочинение, написанное в 1835 году философским учеником Гегеля и «атеистом» К. Марксом, имело странное с точки зрения современных атеизированных марксистов название: «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна, гл. 15, ст. 1-14, его причина и суть, безусловная необходимость и оказанное им влияние». Центральный вопрос данного сочинения формулируется юным автором следующим образом: в состоянии ли человек самостоятельно, без единения с Христом, «достигнуть той цели, для которой Бог создал его из ничего?»¹².

И ответ, к которому приходит Маркс, однозначен: без единения с Христом мы «не можем достигнуть своей цели»¹³.

«В единении с Христом, – пишет Маркс в своем сочинении, – мы прежде всего обращаем любящие взоры к богу, чувствуем к нему самую горячую благодарность, с радостью падаем перед ним на колени. А затем, когда, благодаря нашему единению с Христом, для нас взойдет более яркое солнце (коммунизм – С.Е.), когда мы почувствуем всю нашу отверженность и в то же время будем ликовать по поводу нашего спасения, только тогда сможем мы полюбить того бога, который прежде казался нам оскорбленным властителем, теперь же является всепрощающим отцом, добрым наставником»¹⁴.

Для зрелого Маркса в качестве отца, то есть в роли Мессии выступает коммунистическая партия, вооруженная «научной теорией». Именно она, выполняя функции Христа Спасителя, должна указать человечеству путь к безденежному и бесклассовому обществу как высшему общественному идеалу.

Примечательно, что и американская мечта имеет определенные точки соприкосновения с отдельными положениями марксистской теории. Элементы тождества не раз отмечали некоторые обществоведы в США. «Наше исследование, – писал, например, Р.Гудвин, – начинается с утверждения сходства между утопией Маркса и американской мечтой. Обе исходят из веры, что все люди имеют равные права в области материального благосостояния, и что равенство составляет необходимую основу, которая открывает людям «царство свободы», развитие «человеческих потенций» или «поиски счастья»¹⁵.

Чтобы дать верную оценку любой философской концепции, следует поставить следующий вопрос: «А применяет ли сам автор новой философской системы свои выводы в собственной жизни и работе?». «Обычные» люди предпочитают только в мыслях быть с меньшинством, а в речах – с большинством.

Действительный универсальный смысл феномена недуховного богатства был впервые признан Сократом. Метод Сократа, развивавшийся в условиях коммерческой деятельности софистов, принимавших оплату за обучение, основывался на практической идее блага, которую Сократ трактовал универсально, справедливо усматривая ее влияние и «материю» во всех известных ему областях человеческой жизни. Но выдержать тяжелый вес рациональности не смогло и сознание великого мыслителя. В конечном итоге Сократ вынужден был прийти к глубочайшему разладу с родственным ему греческим сообществом и фактически к узаконенному суициду.

Эталонный мудрец Сократ говорил: «Лучше достойно умереть, чем недостойно жить, и с хорошим человеком ничего плохого не будет ни здесь, ни после смерти. И после смерти боги будут его поддерживать». Это интересная позиция – человек, не выходя (полностью) из общества, имеет *самостоятельное бытие*. Причем и в этой жизни, и после смерти. Сократ проповедовал, в сущности, изрядную банальность: постижение Истины важнее борьбы за власть.

¹² Маркс К. Сочинения. Т. 40 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1975. – С. 590.

¹³ Там же. – С. 591.

¹⁴ Там же. – С. 592.

¹⁵ Goodwin R. The American Condition. – New York, 1974. – P. 18.

Публика вежливо покивала и собралась расходиться. И только после смерти Сократа с ним стали считаться как с любопытным казусом.

«Трагедия Сократа» – практически первая попытка рационального, немифологического и нерелигиозного диалога богатства («успеха») и мысли. Она стала ведущей темой диалогов Платона и последующим объектом критического рассмотрения Аристотеля.

Философ, экономист и социальный теоретик XIX века К. Маркс был сыном буржуазного отца. Преуспевающий адвокат Генрих (Гершель) Маркс усиленно надеялся, что Карл, образ жизни которого давал слишком мало оснований для того, чтобы причислить его к «лику святых», сделает успешную карьеру в «деловом мире» и будет занимать высокое положение в прусской социальной иерархии.

Автор всепобеждающего учения ясно понимал смысл жизни как практическую деятельность по *изменению* окружающего мира. Данная жизненная позиция приводила Маркса к достаточно сложным и неоднозначным взаимоотношениям с родителями. Широко известен иронический афоризм Генгриетты Маркс, что ее сын поступил бы гораздо умнее, если бы приобрел себе капитал, вместо того, чтобы написать о нем книгу¹⁶.

Знаменитому гамлетовскому вопросу «быть или не быть?» можно придать «политическое звучание» и сформулировать величайшую дилемму следующим образом:

Быть – значит «судьбе оказав сопротивление», признавать мир не (совсем) разумным, находить средства и возможности для создания «вещества идеала» и преобразования данного мира, в борьбе реализовывать социальные идеалы и ценности (любимое зрелище богов – смертный, вступивший в сражение с роком).

Не быть – значит признавать объективную социальную действительность разумной и, «пав под ударами судьбы» не только физически, но и духовно, успеть достигнуть определенного материального «успеха» и приобрести капитал.

Возникает вопрос: как отделить «быть» от «не быть» и определить (сдвинуть) границу между возможным и невозможным в социальной сфере? Как сделать невозможное возможным?

Вероятно, ее можно поискать в известной древней сентенции: дай мне бог силы изменить то, что я могу изменить (реализовать свои идеалы с пользой для общества), смириться с тем, что я не могу изменить (и материализовать прагматичные цели) и *мудрости*, чтобы отличить одно от другого. Мудрость – это не основанное на жизненном опыте и приобретаемое с возрастом свойство личности, а *система знаний* и интуиции. Прибегать к помощи мудрых – свойство великих.

Можно выдвинуть гипотезу: критерием различения возможного и невозможного в социальной сфере являются в конечном итоге *фактор понимания* и мудрость, основанная на знаниях и убеждениях. Лишь глубина дает превосходство истинное, а в материях возвышенных – героическое. Глубина понимания зависит от высоты устремления и от специфики самого объекта стремления.

¹⁶ См.: Лобок А.М. Подсознательный Маркс. – Екатеринбург, 1993. – С. 168.

2. Русская идея и американская мечта как социальные детерминанты

Оригинальная русская философия возникла благодаря думам и «дискурсам» о судьбах России. Приоритетное значение для данного национального типа философии имели размышления о человеке в его связи с Богом и космосом. В центре философской проблематики оказались представления, связанные с постижением места и роли России в мире, осмысление ее призвания в истории человечества.

Космические представления о человеке вырабатывала уже философия Древней Греции. Для нее человек – и гражданин *Космоса* (*космополит*), соединенный невидимыми нитями со всеми вещами в мире, и общественное животное (*zoon koinonikon*). В славянском мироощущении данному тезису соответствовала идея всеединства, выраженная в концепции *мира* – как Космоса, так и общины.

Представители различных философских и политических направлений, при всех различиях между ними, сходились во мнении, что России суждено великое будущее, а русскому народу предстоит исполнить всемирное предназначение. В исканиях правды русские мыслители разработали целостную мировоззренческую систему, которая и вошла в отечественную философию под обобщенным понятием-символом «русская идея».

Сами создатели вкладывали в данное понятие не всегда одинаковое содержание. Но русская идея представлялась им объединяющим началом народной жизни, способствующим разрешению противоречий славянской истории и культуры. Вместе с тем, в русской идее видели идеальную сущность, позволяющую постигнуть тайный замысел Творца-демиурга и подлинное бытие российской цивилизации. Россия имеет во всемирной истории особую миссию, связанную с утверждением истинно христианского православного начала. Согласно своему предназначению, она должна духовно преобразить мир светом своей духовной святости и стать итогом земного пути христианства.

Необходимо подчеркнуть, что в отечественной философской традиции понятие «русской идеи» имеет два основных значения: широкое и узкое. В широком смысле под русской идеей подразумевался все особенности русского духа и русской культуры. В более узком смысле русская идея представляет собой своеобразную телеологию России, учение о конечной цели («идеале») ее национально-исторического бытия. Наибольший интерес представляет именно специальный смысл, так как он наиболее конкретно выражает проблему смысла российской истории и всех социальных преобразований.

Немалый вклад в осмысление данной проблемы внес родоначальник русского мессианизма киевский митрополит Илларион (XI в.). В своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати», воздавая хвалу князю Владимиру за крещение им русской земли, Илларион подчеркивал, что мировая история вершится по определенному Богом плану, а само ее движение воплощается в приобщении все новых народов к «благодати» (христианству). Илларион вкладывал в понятие ветхозаветного закона смысл иудейской правовой нормы и противопоставлял его евангельской истине, нераздельной с благом и спасением всего человечества. В прославлении настоящего через прошлое достаточно четко обозначен общественный идеал. Данную философию можно считать доктриной российского социального оптимизма.

Дальнейшее становление идеи богоизбранности Руси связано с возвышением Москвы в XIV веке и формированием нового типа русской православной духовности. Важнейшим историческим событием, способствовавшим второму (после татарского разгрома) духовному рож-

дению русского народа, стала Куликовская битва¹⁷ (1380 г.), «идейным вдохновителем» которой был Сергей Радонежский. Именно в этот период идеал святой Руси прочно укоренился в русском национальном самосознании.

В начале XVI века псковский монах Филофей выступил с учением «Москва – Третий Рим». Несомненно, данной «пропагандистской концепции» в русской мессианской мысли принадлежит ключевое место. Свою главную мысль Филофей высказал в следующих словах: «Храни и внимай, благочестивый царь (Василий III. – С.Е.), тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать»¹⁸.

В этой формуле с предельной ясностью выражен весь смысл русской идеи, ее указание на особую историческую миссию Руси. Преемственность Русского православного царства первым двум (Риму и Константинополю) предстает одновременно и как исполнение божественного промысла, и как бесспорное свидетельство богоизбранности русского народа, призванного стать духовным и политическим вождем христианского мира.

В явном виде учение о русской идее было разработано в трепетном Слове Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина. Важные аспекты русской идеи были освящены в трудах П.Я. Чаадаева, А.С. Пушкина, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского. Следует отметить также вклад в разработку данной проблемы Л.Н. Толстого, Н.Ф. Федорова, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, Г.П. Федотова, А.Ф. Loseва и других исследователей.

Впервые термин «русская идея» использовал Ф.М. Достоевский. Размышляя о российской устремленности к социальному идеалу, русский писатель отмечал, что «все это давно уже есть в России, по крайней мере в зародыше и в возможности и даже составляет сущность ее, только не в революционном виде, а в том, в каком должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде Божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществиться на земле и которая всецело сохраняется в Православии»¹⁹.

Компромисс и синтез славянофильства и западничества в творчестве Достоевского приводил к тому, что «положительная программа» была представлена слабее, чем критическая²⁰.

Русские мыслители искали в Истории не абсолютную идею, а «духовный смысл». Согласно Хомякову, история человечества может быть рассмотрена не из «самосущего понятия» гегелевской философии, а из «одного великого начала» – народной веры, целостного «живознания». Отсутствие стремления к «дурной отвлеченности» обуславливает любопытную черту русской философии: *отсутствие систем*.

Следует остановиться на философской рефлексии одного из основателей славянофильства И.В. Киреевского. В статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России» (1852) русский философ отмечает, что европейская культура уклонилась в односторонний, абстрактный рационализм и тем самым утратила внутреннюю цельность своего духа. Губительной раздробленности, по его словам, оказались подвержены все сферы жизни западного человека. Вместе с тем «...высшие истины ума, его живые зрения (социальные идеалы – С.Е.), его существенные убеждения – все лежат вне отвлеченного круга его диалектического процесса и хотя не противоречат его законам, однако же и не выводятся из них

¹⁷ На Куликовом поле русский народ осознал свое единство. Л.Н. Гумилев отмечал: «На Куликово поле пришли москвичи, суздальцы, владимирцы, а вернулись с Куликова поля русские».

¹⁸ Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. – С. 441.

¹⁹ Цит. по: Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. – М., 1997. – С. 119.

²⁰ В поздние свои годы «великий печальник земли русской» все же признавал: «Деньги – это отечканенная свобода». Но деньги дают свободу только во внешнем мире; внутреннюю свободу купить невозможно.

и даже не достигаются его деятельностью, когда она оторвана от своей исконной совокупности с общею деятельностью других сил человеческого духа»²¹.

Таким образом, если западноевропейская образованность несла в себе раздвоение и расщепленность, то образованность русская основывалась на восприятии «цельного знания», *сочетающего разум и веру*. Именно в этом и состоит приоритетность русского духа, его превосходство над европейским. Особенности русской образованности в конечном итоге обусловлены преимущественно православием, ибо оно сохранило себя от указанного дробления, избежав рационализма и индивидуализма.

Самая лапидарная формула русской идеи принадлежит Н.А. Бердяеву: «все ответственно за всех»²².

Своеобразным концептуальным итогом эволюции «парадигм» о русской идее выступает теория идеального социокультурного строя русского и американского социолога П.А. Сорокина. В учении Сорокина исторический процесс определяется как становление трех периодически сменяющих друг друга социокультурных суперсистем: чувственной (*sensate*), идеационной (*ideational*) и интегральной идеалистической системы. Каждая из систем отличается определенным способом постижения реальности, типом социально-политической, религиозно-нравственной и правовой организации, а также совокупностью высших смыслов и ценностей.

Чувственная культура, коррелятом которой является Новое время, характеризуется преобладанием психосоматических и эмпирических начал, идеационная – божественных и трансцендентных, а идеалистическая – органическим синтезом первых двух. Только интегрально-идеалистической культуре высших ценностей Истины, Добра и Красоты, объединившей лучшие черты предыдущих культур, принадлежит, по утверждению Сорокина, будущее мировой истории²³.

Заметно, что русская идея выражала себя в принципах провиденциализма, мессианизма, универсализма и эсхатологизма. Все эти определения образуют нераздельное органическое единство, внешним выражением которого является сама «непредсказуемая» история России, проходящая под знаком указанных духовных истоков. Данные начала и являются главными категориями русской историософии и способами осмысления жизненного пути России, ее трудно постижимой и «зигзагообразной» судьбы.

Если «Святая Русь» получила в наследство эллинскую идею Космоса, побуждающую к эстетическому осмыслению всеединства мира, то «Христианский мир» западной Европы утвердился благодаря римской культуре, основанной на жесткой структуре социума, праве и рационализации.

Соединенным Штатам немногим больше 200 лет. Потомки «отцов-основателей» – авантюристов, романтиков и искателей приключений, строивших новую страну почти на пустом месте, любят к месту и не к месту употреблять словосочетание «*American Dream*» – Американская Мечта. Данный термин обозначает определенный уровень материального достатка: автомобиль «Кадилак», дом на несколько спален и катер-яхта. Но есть у этого слогана и другое значение – это еще и легенда о «Настоящем Американце» как о человеке, начавшему с нуля (или «минуса») и достигшего высот успеха²⁴.

²¹ Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 271.

²² Цит. по: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М., 1995. – С. 12.

²³ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М., 1997. – С. 22-33.

²⁴ Стихийно самоутверждающийся титанизм Италии и протестантский дух северной Европы объединяет идея индивидуальной ответственности за свою личность, осознание ее пластичности, возможности взглянуть на нее как проект. Вариацией на эту тему стала субъектноцентричная гносеология Нового времени. Начиная с Декарта и заканчивая Гуссерлем, она признавала первой очевидностью непосредственные данные сознания. Исходя из них, личность создавала себя, затем универсум, помещая себя в него. Самоконструирование как очевидная доминанта новоевропейской культуры напоминает о своем актуальном присутствии в современных практиках сетевой коммуникации.

В основании Мечты лежит представление об Америке как стране равных и неограниченных возможностей. Если говорить точнее, то возможностей ограниченных, но лишь только внутренними, личностными пределами индивида и его способностью воспользоваться той *свободой*, за которой он, собственно, и отправлялся в Новый Свет. Мифологизация земли обетованной была зачастую наивной: эмигранты-американцы мечтали плыть на каноэ по «озеру виски».

Либерализм стал своеобразной национальной религией для американской цивилизации, укоренявшейся преимущественно не в теоретической и социально-преобразовательной, а в обыденно-практической форме образа жизни. Либерализм нашел воплощение в национальном бытии и психологии, получив свое отражение в американской мечте. Утопия «свободы» оказалась самой поздней и наиболее «приземленной».

США были отдалены на безопасное расстояние от мировых очагов военных конфликтов, каковыми были Европа и Азия. Океан сформировал своеобразный архетип и превратил Америку в символический образ с обширными утопическими коннотациями. Данное обстоятельство позволяло сосредотачивать силы и средства на решении внутренних проблем и на протяжении долгого времени не слишком беспокоиться, в отличие от России, о создании сильной армии для обеспечения национальной безопасности.

Положение страны-изолята, отчетливо проявлявшееся в период формирования Американской мечты, порождало представления об исключительности и избранности Америки, а значит и превосходстве над другими странами и народами. Элементы капиталистического духа были свойственны американской народной душе еще в тот период, когда этому духу не соответствовало никакого «социального тела» в виде капиталистического хозяйственного устройства. *В Соединенных Штатах превращение раннекапиталистического в высоко капиталистический дух совершается раньше и основательнее всего.*

Является неоспоримым исторический факт, что Америка не только предоставила убежище людям, не находившим себе достойного места в других странах, но и за сравнительно короткий исторический временной интервал синтезировала новую культуру, социальный характер и национальный менталитет. Американцы очень гордятся своим флагом и убеждены в том, что их политическая система является лучшей из всех возможных. Целебный для определенных народов политический абсолютизм не смог бы найти в Америке своего места.

Возникновение и развитие американской мечты парадоксально: данная разновидность социальной мифологии возникла не в самой Америке, а в Европе, откуда была «трансплантирована» эмигрантами в Новый Свет. Первичные ингредиенты североамериканской гибридной цивилизации имели разные географические, расово-этнические и национальные истоки. Америка существовала задолго до ее открытия. С самых ранних дней западной цивилизации люди мечтали о потерянном Рае, Золотом веке и материальном изобилии. С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение возможности превращения этой мечты в факт и географическую реальность.

Эта традиция стала частью национальной культуры. Естественно, что она была переосмыслена и применена к условиям американской действительности, но в ее основе лежали идеи и идеалы, носившие европейское происхождение²⁵.

«Переехав» в Новый Свет, европейская Утопия сменила «имя» и трансформировалась по сути. Не утратив утопического нерва, она обрела черты общенационального мифа, фиксирующего в рациональных и иррациональных формах социальные архетипы, проросшие сквозь толщу американского национального опыта и порождающие массовые жизненные ожидания, представления и ориентации²⁶.

²⁵ См.: Голентольский Т.Г. «Американская мечта» и американская действительность. – М., 1981. – С 18.

²⁶ См.: Баталов Э.Я. Американская мечта и русская идея. – М., 2004. – С. 19.

Американская мечта, как и всякий общенациональный миф, включает в себя не только представления о стране, ее людях и существующих в ней принципах, но и определенные жизненные ориентации, поведенческие и нравственные установки. Имеется в виду ориентация, прежде всего, на материальный успех, тесно связанная с предпринимательской инициативой и личностным самосознанием. Квинтэссенцией данного типа общественного идеала является знаменитый американский «self-made man» – «самосделанный человек». Такой, как Генри Форд, Авраам Линкольн, Ф. Рузвельт, Билл Гейтс и множество других известных персон.

Америка – это «пространство реально возможного». Носители Мечты, будучи людьми практического и прагматического склада, смотрели на нее преимущественно как на *план практических действий* и искали счастье в первую очередь для самих себя. А для остальных – лишь в той степени, в какой это могло быть предпосылкой и условием их собственного счастья.

Общественные и личные проблемы американские граждане старались решить с помощью традиций мышления, сложившихся в американском обществе. Это создавало благоприятную среду для появления философии прагматизма («думай и богатей!»), которая истолковывала истину преимущественно с точки зрения практической полезности, удовлетворяющей субъективные интересы индивида.

Мораль земного возможного успеха существует в американской версии бытия, оформившись в «практичные» поговорки: «каждый сам заботится о себе, а об остальных пусть дьявол думает», «победитель забирает все», «первый пришел – первый взял», «победителей не судят». Человек, не достигший осязаемого материального успеха, считается неудачником и человеком «второго сорта». «Если ты такой умный, то почему ты еще не богатый?» – характерная американская шутка.

Жителям США в полной мере свойственна *их* нравственность. Она подразумевает привычку упорно трудиться и добиваться своих целей любой ценой, высокий профессионализм и актуализацию своего взгляда на жизнь по принципу «встань и работай». В целом внутренний мир американцев больше занят профессией и бытом: они много и напряженно работают, достигают заметных практических результатов в реальном земном деле, – и богаче живут (потребляя все больше ресурсов). У «янков» внутреннее бытие в основном совпадает с внешними быстротвердеющими наплывами предпринимательского труда. Понятие «работа» превращается в игру с деньгами и властью с начислением очков в протоколе результатов жизни.

Один из ведущих теоретиков прагматизма Д. Дьюи отрицал концепции радикального преобразования самого общества, исходящие из абстрактных моральных принципов. Вместо радикальных социальных преобразований Д. Дьюи предлагал совершаемый эволюционными методами сдвиг в сознании и мировоззрении.

Ведущими нравственными принципами на протяжении всей истории Америки были протестантская этика и пуританская мораль. Однако со временем изначальные идеи протестантизма претерпели метаморфозу: отдельные элементы протестантской этики вошли в трансцендентализм Эмерсона, а практическая философия протестантизма перестала быть религией и стала основой буржуазного прагматизма с его лозунгом: «Пусть погибнут наши тела, но мы накопим деньги, чтобы спасти наши души». Обыватель, идущий вслед за Американской Мечтой, не всегда готов пожертвовать каждодневным благополучием ради возведения счастливого будущего.

Философия успеха и прагматизма опирается на традиции, которые возникли еще среди первых переселенцев и до сих пор сохранились в Америке. Готовность помочь человеку практическим советом, оказавшимся в необычной ситуации, сочеталась с не многословием и отсутствием морализаторства. Идеология данных советов также опирается не на абстрактные философские принципы или религиозные догмы, а на практический опыт, понятный рядовому американцу. Можно сказать, что если русская идея обращается к сердцу и душе человека, то

американская мечта – преимущественно к его рациональному разуму. Русские – это общность «думателей и размышлителей», а американцы – нация «делателей и экшенов».

Американские историки обычно стремятся представить дело так, что на вновь открытый континент прибыли якобы одинаково бедные люди и стали богатыми исключительно благодаря своим волевым качествам, целеустремленности и частной инициативе. На самом деле в Америку приезжали люди различных социальных и имущественных положений. И богатым здесь было гораздо легче «продвинуться», чем бедным. Далеко не самая худшая часть разных народов, а, напротив, «сливки общества» разных национальностей покидали насиженные места и перебирались за океан в надежде на получение сытного куска. В настоящее время Америка – уже не просто страна, а своеобразная «сборная мира». И русских там все больше.

Этика успеха нашла свое отражение в литературе и была подхвачена такими пропагандистами успеха, как Э. Карнеги, Д. Рокфеллер, Д. Карнеги, Н. Хилл и др. Одним из «ответвлений» данной этики является психология личного мастерства («нейролингвистическое программирование»). В настоящее время много самоучителей «быстрого счастья» появилось и в России.

Одной из запретных тем в американской публичной политике является «первородный грех государственности»: США возникли как рабовладельческое государство и существовали в таком качестве до юридической отмены рабства²⁷. Это произошло в результате гражданской войны 1861-1865 гг. На рабов «дух свободы» и «философия успеха» не распространялись. Даже отцы-основатели, создавшие США на принципах свободы, не хотели рисковать распадом только что народившегося социального организма из-за проблемы рабства. Вся история Соединенных Штатов в определенном смысле представляет собой продолжение этого «греха». Имеются определенные «нестыковки» между неоспоримо гуманистическими декларациями и практической политикой.

Кроме того, и для коренного индейского народа в свободной и могучей Америке места не нашлось места.

В период «Великой депрессии» иллюзиям национального успеха, извратившим изначальную мечту, был нанесен достаточно сильный удар. Начались поиски новых решений. Громче стали слышны голоса моралистов, винивших людскую расточительность и исчезающее трудолюбие.

Вторая мировая война бросила вызов традициям индивидуализма и отразилась в новой политике Ф. Рузвельта, идеи которой в конечном итоге сводятся к коллективным мерам по спасению системы. Но в конечном итоге именно идеология успеха была определяющим фактором. Она в разное время принимала разные формы политического убеждения. Приход к власти политических фигур тоже рассматривался с позиции «этики успеха». «Тернистая» политическая карьера Ф. Рузвельта символизировала способность человека преодолеть все тяготы судьбы. Победив полиомиелит, он стал президентом США. Его жизнерадостная улыбка должна была возродить мечту после депрессии.

Ф.Д. Рузвельт всегда утверждал, что жизнь богаче и шире любой догмы. Он совершил свою социальную революцию на пути борьбы с реальными социальными проблемами, а не на крови своих жертв и всегда гордился тем, что никогда не использовал насилие. Эмпиризм, а не идеология, был его знаменем. Рузвельт нашел единственный «работающий» вариант общности с народом: он заявил, что разделяет его ценности и идеалы, но в то же время остается патрицием в сердце.

²⁷ Рабство в США как «цитадели свободы» появилось в 1619 году, а было отменено в 1865-м году. Оно существовало 246 лет, т.е. *дольше*, чем крепостное право в России (с 1649 по 1861 год). Но царская Россия – «тюрьма народов», а Соединенные Штаты – оплот свободы.

Первое десятилетие после окончания Второй мировой войны проходило в США под знаком национальной фрустрации. Понемногу в Америке начинают говорить о необходимости найти иные, более осмысленные цели жизни, нежели простой меркантильный успех. Такие ценности, как любовь, чувство удовлетворения от помощи «единоидейникам» вновь начинают обретать смысл.

Уже к середине XX века стало вполне очевидно, что «этика успеха» «пуста, как разошедшаяся бочка». Но, тем не менее, консервативная Америка стремилась любой ценой ее сохранить. Это была последняя надежда наполнить американскую жизнь смыслом, ибо нет ничего страшнее для нации, чем идейный вакуум и духовная опустошенность. В конечном итоге даже этика успеха строится на легитимизации, называемой моралью.

Параксизмы антикоммунизма были вызваны, в частности, необходимостью отвлечения масс от духовного кризиса, возникшего в связи с осознанием несостоятельности американской мечты. Объявив «крестовый поход» против коммунизма, Дж. Маккарти и его сподвижники рассчитывали искусственно поддержать единство нации вокруг социального мифа об успехе.

Успех как критерий жизни в Америке, являясь своеобразным комплексным мерилom и «градусником достижений», накладывался буквально на все сферы жизни. Даже войны, в которых участвовали американцы, рассматривались не с точки зрения их справедливости, а с позиции необходимости победить во имя самой победы. Вот почему во время агрессии во Вьетнаме истеблишмент не задавался вопросом о моральности или аморальности агрессии и был озабочен лишь духом солдата и армии.

В условиях западноевропейского рассогласования разума и веры большинство лауреатов Нобелевской премии представляют США. Многие номинанты получили образование в России. К сожалению, достаточно большое количество умных и энергичных людей покидают Россию ради того, чтобы жить в США. Образно говоря, интеллектуальный феномен в Америке растет из хорошо (финансово) унавоженной земли, а в России – из камня. Большой размах имеет поэтому «утечка мозгов» и интеллектуальная миграция ученых. В Соединенных Штатах они имеют более высокие доходы и качество жизни, находя больше приложения своим умам и образованию. И несравнимо меньшее количество американских граждан эмигрировали из США в Россию.

3. Проблемы реализации социального идеала

Будущее не всегда возникает автоматически путем отламывания от прошлого маленьких кусочков чего-то не совсем хорошего. Процесс воплощения утопического идеала как социального проекта в действительность обуславливает превращение создателей утопии из мечтателей-романтиков в «субъектов Истории». Субъектам социальных преобразований («практикам-революционерам») нужны человеческие и материальные ресурсы для реализации идеала в виде уникального социального эксперимента по «строительству моста Революции через реку Эволюции», локализованного в конкретном временном интервале с установленным моментом начала. Мятаж, начинаемый пассионариями²⁸, должен узаконить функцию утопии.

Революция как упразднение бунта представляет собой отрицание и свершение одновременно. Для ее успешного завершения необходимо соединить грубую народную силу и путеводный разум идеи и идеологии. Революция включена в историю, а бунты и восстания остаются лишь единичными событиями, для понимания которых не всегда обязательно обращаться к историческому контексту. Социальные революции снимают (пусть на время протекания самой революции) власть денег, бюрократии, классовое и сословное неравенство и даже разделение труда.

Но эта достаточно мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал: во всякой революции как основном способе борьбы с несовершенствами социальной действительности присутствует и магла внеисторического хаоса. Процесс разрушения старой системы является в определенной мере неизбежным.

Вообще слово «революция» представляет собой не фиксированный термин, а метафору, обладающую определенной внутренней формой и достаточно мощным воздействием на человеческое сознание. Видимо, именно в этом заключается заведомая причина поражений всех «антипассионариев», пытающихся бороться с революционной стихией: нет столь же мощной альтернативной метафоры.

Контрреволюция, фронда, социальный порядок и другие термины не несут в себе большой положительной созидательной энергетики, и потому во много раз слабее. А реформа, модернизация, демократизация, социальная энтропия и эволюция – даже не метафоры, а термины с фиксированным значением. Энергетика этих терминов вообще стремится к нулю и играет исчезающе слабую роль.

В средневековой и ренессансной астрологии слово «революция» означало возвращение звезды к своему изначальному состоянию. Социальная революция представляет собой в конечном итоге возвращение социума к «самому себе».

Очевидно, что процесс возвращения общества к «самому себе» предполагает наличие социального субъекта, способного сознательно воздействовать на инерционные исторические процессы. Для этого субъект социальных изменений должен обладать не экономическим, а политическим сознанием и социальной энергией, достаточной для преодоления исторической инерции. Никакое революционное движение невозможно без одновременного изменения социального воображения. Всем великим социальным переломам предшествовали периоды глубокой работы духа.

Всякая революция, в отличие от бунта или государственного переворота, поднимает к творчески-преобразовательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных и позитивных действий. Революция выдавливает из субъектов соци-

²⁸ Пассионарий – тот, у кого стереотип служения идее отчетливо доминирует над стереотипом сохранения рода и инстинктом самосохранения. Пользуясь современным языком, можно сказать, что пассионарий наиболее «упертый» и поэтому имеет «социальный успех».

альных преобразований не только раба, но и «хама»²⁹. Данный процесс помогает субъектам социальных преобразований осознанно трансформироваться в творцов нового общества и культуры. Главный пафос революции – созидание, приращение бытия, восхождение к истине.

От взятия Бастилии до штурма Зимнего дворца революции представляли собой не только великие и могущественные идеи радикального переустройства мира в соответствии с гуманистическими идеалами, но и практические *насильственные* действия. Сюжет революции практически всегда один – «мир-хижинам, война-дворцам». Генератором исторических событий является возбуждение бедных. Власть должна быть коррумпированной, несправедливой, жестокой и преступной, а оппозиция – справедливой, гуманной и «волевой». Всякая революция представляет собой качественный скачок, но не всякий скачок в социальных преобразованиях является революцией.

Революция как воплощенная парадигма утопии есть насилие против государственного насилия: революционное и контрреволюционное насилие всегда сосуществуют. В историческом процессе и победитель, и побежденный – одно и то же общество; участники – одни и те же люди и политические классы, а результатом разрешения неразрешимых противоречий в результате применения организованного насилия является изменение общественных отношений. Общество и его субъекты не исчезают, а лишь изменяются и преобразуются.

Первая великая истина природы состоит в том, что насилие всегда было и всегда будет. Все империи-холдинги создавались с помощью силы. Современное общество не полностью защищает человека от насилия. Лучшее, на что оно способно – время от времени, при наличии «технической» возможности, наказывать провинившихся или психотерапевтически утешать пострадавших.

О проблеме насилия рассуждал Конфуций, доказывая, что без насилия невозможно существование государства. Он сравнивал идеального правителя со строгим, но справедливым отцом, поощряющим своих детей (у правителя – подданных) за хорошее и карающих за дурное.

В гомеровской «Илиаде» человеческая душа показана подверженной силовым деформациям, беспомощной и ослепленной, «спрессованной» под гнетом Силы, которой Homo sapiens хотел распоряжаться по своему усмотрению.

У Платона есть рассуждения о том, что насилие может применяться не только властью, но и против власти, если она нарушает принцип справедливости, являющийся одной из априорных идей.

Как отмечал Маркс в «Капитале», «насилие является «повивальной бабкой» всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»³⁰.

Но основоположники марксизма никогда не отводили насилию центрального места и приоритетной роли в историческом процессе и не рассматривали его в качестве определяющего фактора общественного развития или главной цели классовой борьбы. Ничего подобного не могло быть, ибо это противоречило бы гуманистическим мировоззренческим основам марксистского учения и его нравственным установкам.

Политический мыслитель И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою» аргументировано критикует учение Л.Н. Толстого о непротавлении. Русский философ считает, что за неимением других средств человек не только имеет право, но и обязан применять силу. «Насилием» же, согласно Ильину, оправданно называть только произвольное и безрассудное принуждение, направленное ко злу.

Христианская заповедь «кроткие наследуют землю» не всегда подтверждается реальностью. Мир, наполненный людьми, которые умеют только любить, – практически невозможный

²⁹ Именно в этом состоит отличие революционеров от преступников, хотя «водораздел» между «низкой политикой» и преступностью часто провести достаточно сложно.

³⁰ К. Маркс. Сочинения. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1970. – С. 761.

вариант, потому что такой фантастический мир существует преимущественно в социальных утопиях и в художественной литературе.

Сила бывает несправедлива. Но справедливость часто бессильна.

Социальное насилие становится действительностью там, где возникает взаимодействие людей, относительно равных в своем природном бытии и не равных в бытии социальном. Реальное насилие можно рассматривать, с одной стороны, как сущностный элемент легитимной государственной власти, а с другой – как радикальные социальные преобразования и выход за пределы возможного, приводящие к изменению существующих общественных отношений, необходимость которых обусловлена значимостью социального идеала.

(Замысел Ленина становится более ясным в свете перевернутой им формулы К. Клаузевица: «политика есть продолжение войны иными средствами»).

Достаточно трудно поставить под сомнение тесную связь между применением организованного насилия и государством. Генезис государства есть отражение изменчивого соотношения сил, находящихся в постоянной борьбе и следствие того, что некая превосходящая сила («класс») установила свое господство. Главной целью господства и насилия в этом случае является присвоение деятельности субъекта.

Источником действенности государственного насилия и принуждения является угроза нарушения физического здоровья или потеря свободы. Воздействие экономического ресурса связано с материальной и финансовой зависимостью, предполагая взаимовыгодный обмен или материальное вознаграждение за какую-либо «производительную деятельность». Деньги становятся инструментом действенного контроля и даже насилия над людьми не только в либеральном, но и в полностью «огосударствленном» обществе.

Одержимость идеями социального радикализма может повлечь за собой неразборчивость в выборе средств, пренебрежение объективным анализом реальных возможностей и последствий осуществляемых преобразований. Можно заметить, что методы и средства социального насилия, которые используют революционные классы, достаются им по наследству вместе с антропологическим материалом, привыкшим к различным формам социального принуждения. В антагонистических обществах насилие пронизывает все формы социальных отношений, весьма определенно оформляясь в экономических, социальных, политических и идеологических отношениях.

Каким бы сложным и противоречивым ни был комплекс идей, закрепившийся за термином «революция», в нем можно было выделить некоторые узловые моменты, относительно которых существовала устойчивая конвенция. Современная же философия утратила основные ориентации классической «революционной» парадигмы. Данное обстоятельство, в конечном счете, и предопределило ее отношение к слову «революция». Современные изменения происходят в условиях отказа от позитивной утопии. Данный кризис связан с разрушением главного основания – веры в добрую природу человека.

В концепции Руссо, у теоретиков анархизма, в марксизме (особенно у Энгельса), в «революциях» середины 20-го века, например, в «революции надежды» у Э. Фромма, добрая природа человека служила гарантией позитивных ожиданий. «Надежда, – отмечает немецко-американский философ, – представляет собой решающий элемент каждой попытки осуществить общественное преобразование, направленное на то, чтобы человек стал более здравомыслящим и жизнерадостным»³¹.

Если признавался или даже воспевался демонический и разрушительный характер революций, то незлая человеческая природа оправдывала все «издержки» и в конечном счете обеспечивала «положительное сальдо» в балансе разрушительных и созидательных возможностей.

³¹ Фромм Э. Революция надежды. – СПб., 1999. – С. 17.

Добрая человеческая природа обеспечивала не только гомеостазис социума (что бы с ним ни делали, как бы его ни сотрясали, он сохранится и возродится), но и положительное приращение культуры по причине ее освобождения от сковывающих ограничений. Обоснование агрессивной или, по крайней мере, нейтральной и индифферентной природы человека, прочно утвердившееся в культуре 20-го века, лишило идею революции главного онтологического оправдания.

Дело не столько в том, что позитивные утопии саморазоблачали себя в известных попытках их реализации: если действительность не выстраивается в соответствии с идеей, всегда можно изобличить саму действительность. Дело в теории, где диспозиции человека оказались весьма сомнительными. Это, безусловно, повлияло на философское обеспечение идеи революции: *она лишилась сакральности*, и превратилась в один из видов прибыльного бизнеса.

Возникает вопрос: за счет чего же возможно положительное приращение бытия как одной из составляющих революционного процесса, если «постмодерновая» культура не имеет под собой никаких оснований и оказывается рафинированной иллюзией или чистой случайностью? С этой точки зрения вполне логичен вывод, что современные изменения – это *изменения «в никуда, в пустоту и ничто»*.

В современной культуре налицо тактика избегания слова «революция», которое еще совсем недавно украшало названия многих модных теорий. Но оно пока не полностью исчерпало свой позитивный ресурс. В частности, довод от революции часто используется в пропаганде для оправдания негативных последствий реформ: «А вы что хотели? Это же революция!». Однако оправдание революцией сменилось в конце века новым призывом: «Никаких революций!».

Приходится констатировать, что современные ученые испытывают определенную робость перед метафизической значимостью такого события, как революция, так как оно вызывает необходимость выяснения *смысла* российской и мировой истории.

Идея конца революции волне укладывается в ряд других «концов»: «конец истории», «конец философии», «конец человека». Бессистемность и «безопорность» принципиально изменяет видение будущего. Человеку суждено жить в непрерывно меняющемся, зыбком и неустойчивом мире – без смыслов, без идеалов и государственной идеологии, без богов и без самого себя.

Реальные революции изменяли социальные основы общества, приводя к власти новые политические элиты. «Настоящие» политические революции выступают в качестве синонима реальной политики в отличие от «цветных» виртуальных политических технологий и пропаганды. «Черно-белая» революция – это коренной переворот в государственном и социально-политическом устройстве, а не едва прикрытый легальными процедурами перехват власти, сопровождающийся распитием алкогольных напитков на свежем воздухе, народными гуляниями и шоу-представлениями.

Настоящая революция, переворачивающая сами основы общества, революция как акт усилия (насилия) и преодоления упорного консервативного сопротивления при демократии, в принципе, не очень нужна. В обществах без духовных идеалов и традиций революция практически бессмысленна, так как данный социальный феномен для своей реализации должен иметь святыню как общественный идеал уходящей эпохи, которую она могла бы «освежить».

Традиционно наличие насилия рассматривается как едва ли не единственная особенность, позволяющая отличать революцию от эволюционных преобразований. Между тем, существенная особенность современных российских событий заключается в отсутствии сколько-нибудь масштабных насильственных действий, могущих вовлечь значительные слои населения и серьезно повлиять на темпы и направление проводимых преобразований. Было бы неверно утверждать, что современная российская революция носит абсолютно ненасильственный характер. Однако роль насилия в ней была весьма ограниченной, и насильственные

действия здесь никак нельзя считать неотъемлемым критериальным признаком социальных преобразований в России в конце XX – начале XXI вв.³²

Современное общество все больше виртуализируется во всех сферах. Сейчас можно наблюдать поп-революции извне без революционеров. Более того, можно сказать, что профессиональные революционеры только мешали бы. Современная инженерия протеста направлена на захват власти и использует естественно существующие или искусственно создаваемые протестные настроения масс. Управляемость революционных процессов демонстрируют все бархатные революции последнего времени. Виртуальная революция маскирует именно то, что уничтожает – истинную революцию и социальное движение вперед. «Революция» и борьба с ней превращаются в доходный бизнес. Управляемость революционных процессов демонстрируют все бархатные революции последнего времени. Бархатные революции развиваются по такой схеме, при которой власть теряет свою способность сопротивляться³³.

«Цветные революции» представляют собой форму *смены властных правящих элит* на постсоветском пространстве. Незрелость демократических институтов не позволяет посредством выборов произвести замену исчерпавшей себя властной группировки на более эффективную. Именно незрелость демократических институтов и породила феномен «оранжевых революций».

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, успевают произвести перераспределение собственности и сфер влияния, кадровые перестановки и структурные изменения во власти. Как следствие, уже через короткий промежуток времени контрреволюция оказывается невозможной. Новая власть всегда получает определенный кредит доверия и средства для его пролонгации.

Все революции, в том числе современные «цветные», происходят по модели вписывания поведения власти в свой собственный сценарий. Власть вынужденно подчиняется этому давлению, либо, защищая «*status quo*», усиливает и радикализирует репрессивную составляющую.

После преодоления сопротивления регрессивной компоненты, связанной, в том числе и с распределением материальных финансовых средств, в результате революционного акта насилия новая политическая сила становится фактором, *способствующим* соединению социального идеала с действительностью и ее преобразованию.

Для понимания сложного воздуха революции следует отметить, что вопрос о «денежной стороне» социальных революций (и войн) в России и во всем мире является непростым и в настоящее время особенно актуальным. Предметом спекуляций по-прежнему остается проблема «эксов» и «немецких денег» в русской революции³⁴.

Любые социальные преобразования всегда связаны с изменением материальных, финансовых и кадровых потоков, проходящих через чьи-то руки. А революции и контроль над государствами и правительствами, военные заказы и спекуляции на управляемом хаосе и нестабильности могут принести сотни процентов прибыли. Для получения бешеных прибылей на катастрофах надо только грамотно и системно ими управлять.

Как отмечает М. Калашников, американцам удалось превратить русскую революцию в выгоднейшее коммерческое предприятие и достаточно длительное время получать сверхприбыль без риска. Русские банки превратились в станции по перегону личных состояний в Европу. Отлив богатства за рубеж из России был колоссален³⁵

³² См. подробнее: *Стародубовская И.В., Мау В.А.* Великие революции. От Кромвеля до Путина. – М., 2004. – С. 361-362.

³³ См.: *Почепцов Г.Г.* Революция сот. Основы протестной инженерии. – М., 2005. – С. 35.

³⁴ См., например: *Фроянов И.Я.* Октябрь Семнадцатого, *Плимак Е.Г.* Политика переходной эпохи: опыт Ленина, *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в законе, *Ландовский И.* Красная симфония (откровения троцкиста Раковского), *Стиридович А.И.* Большевизм: от зарождения до прихода к власти, *Шиссер Г.* Русская рулетка: Нем. деньги для русской революции и др.

³⁵ См.: *Калашников М.* Третий проект: погружение. – М., 2005. – С. 426-448.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.